

М. М. Сафонов, А. И. Рупасов

Вокруг отречения Николая II

5 марта 1917 г. в журнале Правительствующего сената была сделана запись о том, что сенаторы 1-го департамента слушали: акты об отречении государя императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти, а также об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти вплоть до установления в Учредительном собрании формы правления и новых основных законов Государства Российского. Председательствовал в 1-м департаменте сенатор С. Б. Враский. Он обратился к прибывшему в заседание министру юстиции А. Ф. Керенскому. Председательствующий выразил «глубочайшую признательность Временному правительству за быстрое восстановление» в «дорогом Отечестве законности и порядка». При этом он подчеркнул, что сенаторы предоставляют «себя в полное распоряжение этого правительства в видах поддержания тех же порядка и законности, как залогов процветания и благоденствия дорогой Родины». Керенский заверил присутствовавших, что почтет своим долгом передать Временному правительству заявление сенаторов. При этом министр добавил: «Счастлив, что на мою долю выпало передать в учреждение, созданное гением великого Петра для охраны права и законности, акты первостепенной государственной важности, обнародование которых завершает собою упразднение старого государственного строя»¹.

Несмотря на пафос речей о законности, а она была совершенно необходима новой власти для своей легитимации, всё, что происходило в этот день в Сенате, принявшем к исполнению так называемый «акт» отречения,

в действительности явилось апофеозом беззакония. Если только не принимать во внимание, что всякая революция это и есть отрицание законности того режима, который она свергает².

Публикация этих документов, названных сенатским журналом «актами», была осуществлена в тот же день 5 марта в «Вестнике Временного правительства». Он заменил «Правительственный вестник», официальный орган, в котором, согласно установленной процедуре, печатались документы, приобретающие законную силу после их обнародования в этом издании. «Упразднение старого государственного строя» осуществлялось на основе его же процессуальных норм, но они не были соблюдены. Председатель 1-го департамента и новоиспеченный министр юстиции заверяли, что ставят «законность и порядок» превыше всего. Несмотря на обмен любезностями, «акты первостепенной государственной важности», завершавшие, по словам Керенского, «упразднение», оказались, мягко говоря, более чем сомнительными именно с точки зрения законности.

5 марта «Вестник Временного правительства» опубликовал «Акт об отречении Государя императора Николая II от престола Государства Российского в пользу великого князя Михаила Александровича» вместе с актом об отказе Михаила «от восприятия верховной власти». Названия этим документам были даны 3 марта юристом В. Д. Набоковым на квартире Н. С. Брасовой на Миллионной улице³, когда великого князя уговаривали не принимать престол⁴.

В публикации «Вестника» дата «акта» проставлена так: «2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 г.». Именно она должна была стать официальной датой отречения последнего российского самодержца. Эта же дата находится в тексте «акта» отречения с «набоковским» заголовком, включенном в камер-фурьерский журнал. Журнал был составлен уже после победы революции задним числом и отражал официальную точку зрения новой власти⁵. Пикантность ситуации заключалась в том, что 6 марта, на следующий же день после визита Керенского в Сенат, в «Собрании узаконений и распоряжении правительства» был обнародован такой же «акт об отречении», но с иной датой: «2 марта 15 час. мин. 1917 г.»⁶.

Та же история повторилась накануне апрельского кризиса. 17 апреля 1917 г. журнал «Солнце России», по публикациям которого можно проследить шаг за шагом создание культа А. Ф. Керенского, опубликовал фотографию акта отречения. Публикация акта сопровождалась воспоминаниями рядовых участников отречения, выполнявших чисто технические функции. Из их показаний должно было заключить, что подлинность акта не вызывает никаких сомнений и ничего подозрительного в этом документе нет⁷. Однако публикацией «Солнца России» А. Ф. Керенский не ограничился. Факсимиле «актов» отречения Николая II и отказа от власти великого князя Михаила было обнародовано отдельной брошюрой, изданной с разрешения министра юстиции в войсковой типографии⁸. (Последнее обстоятельство было оговорено на обложке издания.) Парадокс этих публикаций заключался в том, что это были два разных документа. Во всяком случае, они были датированы по-разному. В «Солнце Рос-

сии» на фотографии, как и в публикации в «Собрании узаконений правительства» стояла дата «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.», в брошюре на факсимиле «акт» был датирован пятью минутами позже: «15 час. 5 мин.» — так же, как и на страницах «Вестника Временного правительства».

Выходит, было два официально признанных «акта» отречения с разными датами, что само по себе давало возможность поставить под сомнение юридическую состоятельность этих документов и легитимность перехода власти к брату царя Михаилу.

31 июля 1917 г. обер-прокурор 1-го департамента Сената Г.Е. Старицкий принял на хранение от и. о. обер-прокурора 1-го департамента Сената Ф. И. Хрущева этот «акт» отречения Николая вместе с актом отказа Михаила⁹. 3 же сентября 1917 г., т.е. два дня спустя после провозглашения России республикой, сенатор Временного правительства М. А. Дьяконов, возглавлявший западноевропейское отделение Библиотеки Академии наук, фактически руководивший ей в то время как директор, передал на хранение старшему хранителю рукописного отдела В. И. Срезневскому пакет, в котором находились оба акта и расписка Старицкого о приеме их на хранение. В 1929 г. во время «академического дела» «акт» отречения был обнаружен¹⁰. Специально созданная комиссия, возглавляемая председателем правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук СССР Ю.Л. Фигатнером, исследовала его на предмет подлинности. 26 октября 1929 г. она составила акт экспертизы этого документа. Согласно акту, подлинник отречения выглядел так: «...напечатан на пишущей машинке. Внизу, с правой стороны имеется надпись “Николай”, изображенная химическим карандашом. Внизу же, с левой стороны имеется написанная от руки цифра “2-го”, далее напечатанное на машинке слово “марта”, затем написанная от руки цифра “15”, после чего имеется напечатанная на машинке слово “час”. После этого следует подчистка, но явно проглядывает написанная от руки цифра “3”, затем следует напечатанное на машинке слово “мин”, а далее напечатанное на машинке “1917 года”. Внизу под этим имеется изображенная чернилами надпись “министр Императорского двора генерал-адъютант граф ФРЕДЕРИКС”, изображенная надпись ФРЕДЕРИКСА написана по подчищенному месту». Сверки подписи с бесспорными подписями Николая II, представленными Н. Н. Колтешой из документов, хранящихся в Ленинграде в Центро-архиве, привели к заключению, что документ имеет подлинную подпись и является оригинальным¹¹.

Машинописный оригинал отречения, обнаруженный чекистами в рукописном отделе БАН СССР, ныне находится в Государственном архиве Российской Федерации в личном фонде Николая II¹². От описанного комиссией Ю.Л. Фигатнера он отличается только тем, что в дате «1917 года», как сказано в заключении, вместо полного слова «года» впечатано «г.». Очевидно, писавший заключение комиссии допустил эту небольшую неточность. Также он не разглядел, что написанная от руки и затем подчищенная цифра «3», прежде чем быть подчищенной, была исправлена на цифру «5», а только потом подчищена¹³.

Выходит, на хранение в Правительствующий сенат был передан «акт» с подчищенной датой, что само по себе делало этот документ юридически несостоятельным, а для публикации в печатном правительственном органе представили текст с другой датой без каких-либо подчисток. Это обстоятельство само по себе создавало юридический казус, позволявший объявить оба «акта» недействительными. Возникает закономерный вопрос, какой же из этих двух актов «первостепенной государственной важности» министр юстиции представил в Сенат, т. е. в учреждение, созданное, по словам А. Ф. Керенского, гением Петра Великого «для охраны права и законности». Предъявил ли он сенаторам для обсуждения «акт» без подчисток, датированный 15 час. 5 мин., известный сегодня только благодаря фотографическим копиям и факсимиле, а на хранение отправил подчищенный документ, с датой «15 час», либо же присутствовавшие в 1-м департаменте, принявшие «акт» к исполнению, сделали вид, будто «не заметили» подчистки и не обратили никакого внимания на то, что в официальной публикации стоит другая дата?

Судя по заискивающему тону председательствующего в 1-м департаменте С. Б. Враского, продемонстрировавшего свою полную лояльность новой власти, в государственной машине которой Сенат являлся немаловажным звеном, такая комбинация подмены одного небезупречного по своему внешнему виду документа другим, внешне более «приличным», вполне могла иметь место. Оба варианта равно возможны. Впрочем, если А. Ф. Керенский предъявил сенаторам не подлинный документ, а лишь его факсимиле или фотографию, можно ли говорить о законности решения сенаторов принять его к исполнению?

Официальные публикации «Вестника Временного Правительства» и «Собрания узаконений правительства» означали, что никакого «манифеста об отречении», т. е. документа со всеми атрибутами, присущими этому виду делопроизводственной документации, в действительности в руках новой власти не было. Все же газетные публикации от 3 и 4 марта 1917 г. с заголовком «Мы, Николай Второй, объявляем всем нашим верным подданным» и т. д., являлись «самодеятельностью» редакций газет или тех политических деятелей, которые передали журналистам такие тексты для обнародования.

«Крестным отцом» абдикационного документа с названием «манифест» стал командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин. Его роль, как и роль всего флота Балтийского моря в низвержении Николая II до сих пор не была распознана исследователями Февральской революции. Отчего и самое «отречение» последнего самодержца получило в историографии однобокое освещение. Историки видели только Государственную думу, ее Временный комитет, Ставку и главнокомандующих фронтами. Морская же составляющая февральско-мартовских событий почти полностью ускользнула от изучавших процесс отречения¹⁴.

Между тем впервые так называемый «манифест» об отречении был опубликован в Ревеле в газете «Ревельское слово» и расклеен по стенам домов в виде

листочков. Это произошло в промежуток времени с 3 час. ночи до 8 час. утра 3 марта 1917 г.

Один из таких листов, отпечатанных в типографии крепости императора Петра Великого, нам посчастливилось найти¹⁵. Поскольку акт отказа вел. кн. Михаила от принятия престола был обнародован в газетах, в том числе и в «Ревельском слове», только на следующий день, 4 марта, в этом эстляндском городе, в отличие от всей России, почти сутки «царствовал» император Михаил. Царствовал, разумеется, условно. Манифеста о его воцарении опубликовано не было. Был обнародован лишь «манифест» Николая II о передаче трона Михаилу¹⁶. Почему это произошло именно в Ревеле? Потому что он находился в критическом положении, и командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. И. Непенин телеграфировал в Псков, где находился в тот момент царь, и в Ставку, в Могилёв, о том, что если Николай не отречется, то это повлечет за собой «катастрофу». В отличие от главкомов фронтов Непенин обращался к царю именно с требованием. Так с помазанником не разговаривал никто из военных начальников. Для этого были особые причины. В интересах морского министра К. И. Григоровича, не оставлявшего мысль занять кресло премьера, А. И. Непенин сам стимулировал революционную активность Балтийского флота, доводя до сведения моряков информацию, поступавшую в штаб флота в Гельсингфорсе из Временного комитета Государственной думы. Именно поэтому вице-адмирал первым получил текст абдикационного документа и распорядился немедленно его обнародовать в форме манифеста. При этом А. И. Непенин считал, что форма манифеста не имеет никакого значения. Так появился опубликованный текст под названием «манифест» без каких-либо атрибутов этого вида документа. Но завершался он так: «ГОРОД ПСКОВ, 2 МАРТА 1917 ГОДА, 3 ЧАСА ДНЯ. НИКОЛАЙ».

4 марта петроградские «Известия» опубликовали полученный от Непенина же текст манифеста. Но этот текст был уже «усовершенствован»: более приближен к общепринятой форме манифеста. Хотя в нем не было ни титула, ни обращения к подданным, но текст завершала контрассигнация В. Б. Фредерикса: «СКРЕПИЛ МИНИСТР ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ ГРАФ ФРЕДЕРИКС». И дата выглядела по-другому: «2 марта 15 часов 1917 г. Гор. Псков»¹⁷. В ревельской же публикации было «3 часа дня».

Ревельская публикация имеет принципиальное значение. Она позволяет выделить в «чистом виде» тот текст, который Непенин получил из Пскова, и определить, что именно вице-адмирал внес в него «своего». Нами обнаружена телеграмма с текстом абдикационного документа, присланного из Пскова главнокомандующим Северным фронтом Н. В. Рузским А. И. Непенину в 3 час. утра¹⁸. Эта находка очень важна. Дело в том, что телеграмма, которая передавала текст «акта» отречения из Пскова в Могилёв начальнику штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексею, не обнаружена. Ранее мы думали, что ее намеренно уничтожили. Но может быть, ее и не было вообще.

В 2 час. 57 мин., когда Алексеев начал рассылку по фронтам сообщения о подписанных царем документах, текста «манифеста» у штабс-автора еще не было. А в 3 час. ночи текст был уже отправлен в Гельсингфорс. Это была телеграмма Н. В. Рузского¹⁹ А. И. Непенину. В своей телеграмме он воспроизвел текст, якобы отправленный министром двора В. Б. Фредериксом начальнику морского штаба Ставки А. И. Русину в 15 час. 2 марта 1917 г. В Гельсингфорсе и в других подразделениях Балтийского флота абдикационный текст был воспринят как телеграмма Фредерикса. Непенин по своему разумению превратил текст не существовавшей телеграммы Фредерикса Русину в «манифест». Вице-адмирал опустил, что он передавался министром двора начальнику Морского штаба Ставки верховного главнокомандующего А. И. Русину, проставил по своему разумению дату, заменив «15 часов» на «три часа дня». Вице-адмирал озаглавил созданный им симбиоз текста как «манифест» и обнародовал его в Ревеле. Затем главнокомандующий Балтфлота сообщил телеграмму Н. В. Рузского в Петроград. И текст «манифеста» с различными вариациями «пошел гулять» по газетным полосам.

Каково же происхождение текста, полученного А. И. Непениным от Н. В. Рузского в 3 час. утра 3 марта в Гельсингфорсе?

Оставляя в стороне вопрос о мотивах Николая II — стремился ли он спасти оказавшуюся в заложниках в Царском Селе свою семью, подписав любую «филькину грамоту», либо же монарх предпочел добровольно отречься, нежели быть низложенным, можно констатировать следующее. Несомненно, не позднее 1 час. ночи 3 марта 1917 г. во Пскове император подписал какой-то абдикационный документ, равно как и то, что после этого времени царь никаких его экземпляров не подписывал. Об этом неоспоримо свидетельствует собственноручная запись монарха в дневнике 2 марта 1917 г. «Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которым я переговорил и передал подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого»²⁰. Отчасти это подтверждается и дневником матери царя вдовствующей императрицы Марии Федоровны²¹. Мы даже можем уточнить время подписания абдикационного документа. Переговоры с прибывшими в Псков посланцами образующегося Временного правительства А. И. Гучкова и В. В. Шульгина начались в 23 час. 32 мин. 2 марта, а 3 марта в 0 час. 28 мин. генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта В. Г. Болдырев передал по телеграфу генерал-квартирмейстеру Ставки А. С. Лукомскому: «Манифест подписан»²². В 1:00 начальник штаба Северного фронта Ю. В. Данилов телеграфировал в Ставку начальнику штаба М. В. Алексееву о том, что «государь император... изволил подписать акт отречения от престола»²³. Хотя Болдырев назвал подписанную Николаем бумагу «манифестом» (точно так же, как она названа в дневнике царя), а Данилов наименовал ее «актом отречения», нет ни малейшего сомнения в том, что она не являлась ни тем, ни другим²⁴. Нам неизвестно, что собой представлял до-

кумент, подписанный императором. В 20 час. 20 мин. 2 марта в Псков, где находился царский поезд, был послан проект манифеста об отречении Николая и передаче престола сыну Алексею при регентстве великого князя Михаила. В результате переговоров с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным царь передал им «подписанный и переделанный» текст²⁵. Текст, присланный из Ставки, в котором речь шла о передаче престола Алексею, хорошо известен²⁶.

Из переписки Могилёва, где располагалась Ставка, и Пскова, где в тот момент стоял поезд Николая II, видно, что, обсуждая вопрос о необходимости издания высочайшего акта, который смог бы предотвратить «анархию» и остановить «дальнейшее разложение армии»²⁷, адресаты предполагали такую схему действия. Ставка вырабатывает проект текста манифеста и пересылает его в Псков. Царь, в случае одобрения, телеграфирует в Могилёв согласованный текст и дает разрешение Ставке на его обнародование с пометкой «Псков»²⁸.

То есть, и это важнейший момент, в сложившихся чрезвычайных условиях, когда царь находился в пути из Могилева в Царское Село и возникла необходимость обнародованием высочайшего акта разрядить обстановку, на Ставку возлагалась обязанность объявить манифест царя. То, что это должен был быть манифест со всеми атрибутами торжественного акта, прекрасно понимали и в Пскове, и в Могилёве.

Ставка выработала проект манифеста об отречении и 2 марта телеграфировала его в Псков в 20 час. 20 мин. главнокомандующему Северным фронтом Н. В. Рузскому. Примечательно, что присланный текст состоял только из содержательной части без каких-либо формальных элементов манифеста²⁹. Предполагалось, что царь даст добро и телеграфированный обратно в Могилёв апробированный царем в Пскове текст будет соответственно оформлен в Ставке и обнародован как манифест. Переделанный текст проекта манифеста после беседы с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным Николай подписал не позднее 0 час. 28 мин. 3 марта. Подписанный текст должен был быть немедленно телеграфирован в Ставку. Но поступил он туда только через 2 с половиной часа. Николай покинул Псков в 2 час. ночи³⁰. (Хотя в дневнике потрясенный царь ошибочно указал время отъезда — 1 час ночи). В 2 час. 17 мин. в Петрограде в Главном штабе была получена телеграмма А. И. Гучкова и В. В. Шульгина о том, что «манифест последует немедленно»³¹. То есть когда телеграмму отправляли из Пскова, «манифест» еще не был готов. Не ранее 2 час. 57 мин. 3 марта Алексеев начал рассылку телеграмм главнокомандующим с сообщением об отречении, пообещав, что текст манифеста будет передаваться дополнительно. Но ранее всех его получил от самого Н. В. Рузского А. И. Непенин.

По всей видимости, дошедший до нас текст готовился А. И. Гучковым и А. А. Шульгиным вместе с Н. В. Рузским и начальником его штаба Ю. В. Даниловым к отправке в Могилёв в виде телеграммы, излагающей содержательную часть абдикационного документа. И А. И. Гучков, и Н. В. Рузский всегда пользовались в своих телеграммах формулой: «Куда. Кому», которую мы

видим на «подлинном акте». Внизу страницы было помещено обозначение времени отправки по той же формуле, употреблявшейся обычно в телеграммах. Например: «2 марта. 0 час. 50 мин». Далее следовала подпись отправлявшего телеграмму³².

То есть абдикационному документу, телеграфируемому в Ставку для оформления и обнародования в виде манифеста, придали вид телеграммы, датированной 2 марта 15 час. Был ли в руках создателей этого «акта» чистый бланк с подписью Николая и обозначением часа и минуты отправки телеграммы, в который впечатали абдикационный текст, либо же царь действительно подписал подготовленный к отправке текст, осталось неизвестным. Ясно одно: А. И. Гучков и В. В. Шульгин понимали, что «подписанный и переделанный» даже самим царем текст в таком виде не годился для акта. Во что бы то ни стало был нужен торжественный акт — манифест. Им был необходим акт и чем скорее, тем лучше. Поэтому в Пскове решили сами оформить абдикационный документ в виде телеграммы и придать ей некий вид торжественного акта. Но такой странный «симбиоз» получился на редкость неудачным. К дате телеграммы, якобы отправленной 2 марта в 15 час., припечатали обозначение года: «1917 г.», а перед ней впечатали обозначение города: «Г. Псков».

Обозначение места и года издания манифеста было обязательно для актов такого рода. Но получилась очевидная нелепость: «Г. Псков. 2-го марта 15 час. мин. 1917 г.»: ни телеграмма, ни манифест. В телеграммах, как правило, не обозначался год, в манифестах же не указывалось время подписания с точностью до часов и минут. Но форма телеграммы была совершенно необходима для создателей этого «акта». Точное время, в действительности фиктивное, позволяло утверждать, что царь принял решение об отречении в пользу Михаила совершенно добровольно, до приезда делегатов из Петрограда и безо всякого давления с их стороны. Это было нужно для легитимации новой власти. Ей был нужен не свергнутый монарх, а добровольно отрекшийся император. Для придания телеграмме формы акта, на месте текста, который подчистили, поместили скрепу министра двора и командующего императорской квартирой В. Б. Фредерикса. Возможно, пришлось зачистить слово «Г. Псков», которое потом перенесли выше на поля, чтобы оставить место для скрепы. Но подпись царя на телеграммах никогда не заверялась. Наличие же этой скрепы лишало подписанный текст признаков телеграфного текста. Осталось неизвестным, использовали ли они бланк с заранее проставленной там царской подписью, либо подписанный царем абдикационный документ был преобразован таким образом.

Все эти «преобразования» требовали немалого времени. К тому же штаб Северного фронта, где создавали манифест, находился не на псковском вокзале, на рельсах которого стоял царский поезд, а в городе. Для того чтобы как-то объяснить Ставке, почему текст, подписанный царем, не телеграфируется немедленно, в Пскове пошли на уловку, объявив, что «передача задержана снятием дубликата, который по подписании Государем будет вручен депутату Гучкову»³³.

Чтобы скрыть сам факт переделки текста абдикационного документа, посланцы новой власти прибегли к мысли об изготовлении дубликата, которого вовсе не требовалось при оформлении манифеста. Составители документа сами изготовили дубликат, который дошел до нас лишь в фотографической копии. Он был изготовлен следующим образом. Текст, подписанный Николаем как обыкновенная телеграмма со всеми добавленными в него «аксессуарами» торжественного акта, сфотографировали. На обоих текстах — на машинописном и фотографическом, — естественно, подписи царя и скрепа Фредерикса абсолютно идентичны³⁴, только на первом подпись сделана копировальным карандашом, а на втором обведена чернилами. Но прежде чем это сделать, в дату, обозначающую минуты, вписали цифру «3», которую затем исправили на «5». Получился «дубликат», созданный на пять минут позже оригинала. Для того чтобы «дубликат» отличался от оригинала, якобы подписанного на пять минут раньше, в нем стерли цифру «5». Это объясняет, почему на подлинном «акте» оказалась подчистка в дате. И становится ясным присутствие указания на «минуты», тогда как документ был якобы подписан в 15 часов ровно³⁵. После этого к подписи Николая на обоих экземплярах, на машинописном и фотографическом, прибавили росчерк. Но он оказался, что вполне естественно, не вполне совпадающим на каждом из них. «Подлинный» экземпляр оказался с подчисткой. Поэтому предпочитали оперировать фотографическими снимками и факсимиле с датой «15 час 5 мин». Машинопись с подчисткой оказалась в Сенате, потом в БАНе и, наконец, в ГАРФе. «Дубликат» же известен только в фотографическом варианте. Фотографирование, по-видимому, осуществлял Ю. Н. Данилов. Впоследствии в своих воспоминаниях он вскользь упомянул о том, что делал снимки актов, которые у него потом забрали³⁶. Таким образом, якобы существующая необходимость «снятия дубликата» в действительности была призвана скрыть переработку абдикационного документа в «акт отречения» в форме «манифеста», т. е. фабрикации этого документа «первостепенной государственной важности», публикация которого завершила «упразднение старого государственного строя»³⁷.

Но возникает важнейший вопрос: зачем же было почти одновременно публиковать акты об отречении с разными датами в официальных правительственных органах? Ведь это было сделано с санкции министра юстиции А. Ф. Керенского, тщательно продуманными шагами крадущегося к единоличной власти, но на словах ратовавшего за сохранение законности. Думается, что такое странное оформление абдикационных документов в ночь на 3 марта, выполненное в тот момент, когда еще никто не знал, что утром Михаил от престола откажется, имело определенную цель: вырвать трон из-под Николая II и не дать сесть на престол Михаилу. Во всяком случае, оно давало возможность в дальнейшем оспорить легитимность передачи власти брату царя на основании фиктивных документов. На вопрос же, сколько актов отречения существует, следует ответить: «Ни одного»³⁸.

- ¹ Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.
- ² Пожалуй, уместным в данном случае будет привести слова Максимилиана Робеспьера: «Если революционное правительство должно быть более активным в своих действиях и более свободным в своих движениях, чем обычное правительство, разве от этого оно менее справедливое и менее законное? Нет, оно зиждется на самом святом из всех законов — на благе народа, на самых неопровержимых правах — на необходимости» (*Робеспьер М. О принципах революционного правительства* // Робеспьер М. Избранные произведения. Т. 3. М., 1965. С. 92).
- ³ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 265.
- ⁴ См. подробно: Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций. Нестор. № 3. СПб., 2005. С. 269–270.
- ⁵ С тем лишь отличием, что сокращение «мин», которое мы видим на факсимиле, в камер-фурьерском журнале раскрыто: «минут» (Камер-фурьерский журнал. 1916–1917. СПб., 2014. С. 433; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 516. Оп. 1 (дополнительная). № 25. Л. 10).
- ⁶ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Вып. 1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. V–VI.
- ⁷ Солнце России. 1917. 17 апреля.
- ⁸ Факсимиле актов отречения Николая II и Михаила Александровича. Печатается с разрешения министра юстиции А. Ф. Керенского. Б/д, Б/м.
- ⁹ Рудаков В., Брусиловский Н., Вильшанская Е. Акт отречения // Историк. 2017. № 3. С. 23; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. № 2100. Л. 1.
- ¹⁰ См. подробно: Сафонов М. М. С. Ф. Платонов и акт отречения Николая II // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 146–164.
- ¹¹ Историк. 2017. № 3. С. 22; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 9–11.
- ¹² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 5.
- ¹³ Фотокопия этого документа воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы» (М., 1990).
- ¹⁴ См. подробно: Сафонов М. М. Спецслужбы и отречение Николая II // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 58–76.
- ¹⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Р-92. Оп. 1. № 1. Л. 195. Текст был напечатан в типографии штаба крепости Императора Петра Великого.
- ¹⁶ Ревельское слово. 1917. 3 марта.
- ¹⁷ Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта.
- ¹⁸ РГА ВМФ. Р-92. Оп. 1. № 3. Л. 18.
- ¹⁹ О роли Н. В. Рузского в отречении см.: Сафонов М. М. Генерал Н. В. Рузский фальсифицирует историю // Революция 1917 года в России: События и концепции, последствия и память. С.-Петербург, 11–12 мая 2017 года. С. 473–483.
- ²⁰ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 34.
- ²¹ Кудрина Ю. В. «...Ужасно думать, что это только начало». Война глазами вдовствующей императрицы Марии Федоровны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 452.
- ²² Красный архив (далее — КА). 1927. № 3 (22). С. 15.
- ²³ Там же. С. 16.
- ²⁴ См. подробно: Сафонов М. М. 1) «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата». Документальные свидетельства Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 12–13; 2) «Ставка. Начальнику штаба». Вокруг отречения Николая II // Великая война. Последние годы империи. Сборник научных статей XX Царскосельской конференции. СПб., 2014. С. 474.
- ²⁵ См. подробно: Сафонов М. М. Из истории отречения Николая II // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика. СПб., 2018. С. 88–98.

- ²⁶ Там же. С. 7–8.
- ²⁷ КА. 1927. № 2. (21). С. 53.
- ²⁸ Там же. С. 53, 59.
- ²⁹ Там же. № 3 (22). С. 7–8.
- ³⁰ Там же. С. 15.
- ³¹ Там же. С. 15–16; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. № 1245. Л. 10.
- ³² Отречение... С. 231.
- ³³ КА. 1927. № 3 (22). С. 15.
- ³⁴ На этом основании А. Б. Разумов сделал вывод, что подпись царя и скрепа Фредерикса на обоих документах воспроизведена с помощью стекла и лампы с более ранней подлинной подписи монарха (*Разумов А. Б.* Подпись императора. Несколько замечаний по «Отречению Николая II». URL: <http://samoderjavie.ru/node/452> (дата обращения 10.05.2014)). Однако автор, рассуждавший об идентичности подписей без помощи профессиональных графологов, не понял того обстоятельства, что сверял машинописный текст с его фото-графией, на которых подписи не могли не быть неидентичны.
- ³⁵ Характерно, что в публикации дневников Николая II в качестве приложения воспроизведен текст акта об отречении царя, хранящийся ныне в ГАРФе. Здесь «акт» назван «манифестом об отречении», но в дате опущено оставшееся после подтертой цифры «5» указание на минуты — «мин». В итоге опубликованный таким образом «манифест» имеет более «подходящую» для документов такого рода дату: «2-го марта 15 час. 1917 г.». Трудно сказать, явилось ли опущенное сокращение «мин» следствием недосмотра публикаторов, либо же они сочли необходимым придать публикуемому «манифесту» более соответствующий такого рода документу вид (*Дневник императора Николая II. 1894–1918. Т. II. Ч. 2. М., 2013. С. 364*).
- ³⁶ *Данилов Ю. Н.* Архив русской революции. Т. XIX. Берлин, 1928. С. 240.
- ³⁷ См. подробно: *Рупасов А. И., Сафонов М. М.* «Манифест об отречении» Николая II: история документа // Наше наследие. 2018. № 125. С. 70–79.
- ³⁸ В свете вышесказанного не может не вызвать иронической улыбки стремление ряда современных историков, политических деятелей, публицистов и людей «около науки» сделать вид, что в обстоятельствах отречения последнего российского самодержца всё предельно ясно, а важнейший юридический документ, зафиксировавший сам факт отъезда Николая II от верховной власти, не вызывает никаких недоуменных вопросов. Отметим только две последние курьезные работы такого плана. Одна из них принадлежит московскому историку Е. В. Пчелову. В апреле 2018 г. Российский государственный гуманитарный университет проводил конференцию по истории вспомогательных исторических дисциплин. Мы представили тезисы доклада о первой и неизвестной доселе публикации манифеста об отречении (см. выше). Е. В. Пчелов по неведомым нам причинам решил сопроводить нашу публикацию своим комментарием. Поступок, прямо скажем, неординарный. М. М. Сафонов в науке почти 50 лет, за которые у него вышли почти семь сотен публикаций. Если редактор категорически не согласен с предложенным текстом, он может отказаться печатать его, но сопровождать публикацию своим комментарием, в котором комментатор сделал 4 грубейших ошибки... Более чем странно выглядит утверждение комментатора о том, что акт отречения не мог (!) быть другим в силу подобных условий и чрезвычайных обстоятельств. А Военно-походная канцелярия с персоналом и с типографским бланками для манифестов в соседнем вагоне? И времени было достаточно, чтобы впечатать в него текст отречения в одну страницу. И министр императорского двора В. Б. Фредерикс находился под рукой, чтобы оформить эту страничку подобающим образом. Комментатор утверждал, что текст манифеста был послан из Пскова нашатаверху М. В. Алексееву, а тот переслал его А. И. Непенину в Гельсингфорс. Прежде чем решиться выступить с комментарием, следовало бы изучить исторические реалии. На самом деле текст был переслан Непенину главкоसेвом Н. В. Рузским в то время, когда Алексеев еще не располагал этим документом. Комментатор утверждает, что указание места и время подписания документа варьировалось при самой передаче. Откуда у него

такие сведения? Очевидно, с потолка. Ведь речь шла о документе первостепенной государственной важности. Утверждение же, что контрассигнация Фредерикса была второстепенной деталью, как бы это поэтичнее выразиться... Не было никакой контрассигнации на тексте, посланном Рузским Непенину. Как уже говорилось, это была телеграмма министра двора начальнику Морского штаба Ставки А. И. Русину, пересланная Рузским Непенину. А вот на указах о назначении Г. Е. Львова премьером, а вел. кн. Николая Николаевича — верховным главнокомандующим значилось: «Контрассигновал министр двора ген.-адъютант граф Фредерикс» (РГА ВМФ. Р-92. Оп. 1. № 3. Л. 17). Как же это в «походных условиях» и «чрезвычайных обстоятельствах» соблюли все делопроизводственные формальности, вероятно, знает один Е.В. Пчелов. Ну о том, что комментатор умудрился не увидеть фундаментальных изъянов «акта» отречения как юридического документа, стоит ли упоминать? (Рупасов А. И., Сафонов М. М. Неизвестная публикация манифеста об отречении Николая II // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы Международной научной конференции Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. С. 313).

То же следует сказать и о работе К. А. Александрова, опубликовавшего свое «исследование» об отречении на страницах журнала «Звезда». Едва ли этот опус заслуживает серьезного научного разбора. Автор «щеголяет» ссылками на зарубежные архивы, тогда как для того, чтобы использовать приводимые «новые» «архивные» материалы, вовсе не обязательно было отправляться за океан: достаточно пойти в Российскую национальную библиотеку, потому что многие из них давно у нас опубликованы. Незнание историографии вопроса, игнорирование работ, противоречащих создаваемой таким образом «концепции» самодельного автора, — в определенной мере проявление дилетантизма. К сожалению, К. А. Александров довольно смутно представляет себе, что такое критика источника. То же самое следует сказать и о редакторе журнала «Звезда» Я. А. Гордине, писателе, пускающем время от времени в исторические изыскания. Отличительная черта того и другого заключается в том, что когда у них нет возможности опровергнуть своего критика либо же ответить на справедливые замечания, оба стремятся поскорее наклеить ярлыки на оппонента, наивно надеясь, что, оболгав критиковавшего, они тем самым дезавуируют и самоё критику. К. А. Александров не нашел научных аргументов, чтобы опровергнуть якобы недавние «сенсационные» утверждения Сафонова, высказанные им четверть века тому назад, и если Александров узнал об этом только сейчас, они на стали от этого недавними. Он поспешил наклеить очередной ярлык: отнести Сафонова к «защитникам монархического строя», «рабам “прямолинейности и формального аргумента”» (Александров К. А. 1) Ставка в революционные дни: 27–28 февраля 1917 года // Звезда. 2017. № 4. С. 139; 2) Русский генералитет и крушение монархической власти в России: 2 марта 1917 года // Звезда. 2018. № 2. С. 169, 178). Сам же К. А. Александров «непрямолинейно» заявил, что подлинный акт отречения был датирован «2-го марта 15 час 5 минут 1917 г.», а факсимиле этого документа было воспроизведено в «Солнце России» 17 апреля 1917 г. (Александров К. А. Русский генералитет и крушение монархической власти в России: 2 марта 1917 года. С. 171). Увы, ярый противник «формального аргумента» в глаза не видел эту публикацию, а на нее сослался. «Солнце России» опубликовало вовсе не факсимиле, а фотографию «акта» отречения с датой «2-го марта 15 час мин 1917 г.». Редактору «Звезды» следовало не забывать о репутации журнала, и проявить чуть больше щепетильности при рецензировании предоставляемых ими материалов, чтобы у доверчивых (возможно, излишне) читателей не сложилось впечатление, что их вводят в заблуждение намеренно, а не по профессиональному невежеству.

References

- ALEKSANDROV K. A. Stavka v revolyucionnye dni: 27–28 fevralya 1917 goda [Stavka in the revolutionary days: 27–28 February 1917. In Russ.] // *Zvezda*. 2017. N 4. S. 138–155.
- ALEKSANDROV K. A. Russkij generalitet i krushenie monarhicheskoy vlasti v Rossii: 2 marta 1917 goda [Russian Generalitat and the collapse of monarchical power in Russia: March 2, 1917. In Russ.] // *Zvezda*. 2018. N 2. S. 138–178.
- Vestnik Vremennogo pravitel'stva. [Bulletin of the Provisional government. In Russ.] 1917. 5 marta.
- DANILOV YU. N. Arhiv russkoj revolyucii. [Archive of the Russian revolution. In Russ.]. T. XIX. Berlin, 1928.
- Dnevnik imperatora Nikolaya II. 1894–1918. [Diary of Emperor Nicholas II. In Russ.]. T. II. Ch. 2. Moscow, 1913.
- Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochih i soldatskih deputatov. [News of the Petrograd Soviet of workers' and soldiers' deputies. In Russ.]. 1917. 4 marta.
- KUDRINA YU. V. "...Uzhasno dumat', chto eto tol'ko nachalo". Vojna glazami vdovstvuyushchej imperatricy Marii Fedorovny. ["...It's terrible to think that this is just the beginning". War through the eyes of the Dowager Empress Maria Feodorovna. In Russ.] // *Pervaya mirovaya vojna. Prolog XX veka*. Moscow, 1998. S. 446–463.
- Otrechenie Nikolaya II. Vospominaniya ochevidcev, dokumenty. [The abdication of Nicholas II. Eyewitness accounts, documents. In Russ.]. Moscow, 1990.
- LOMONOSOV YU. V. Vospominaniya o martovskoj revolyucii 1917 goda. [Memories of the March revolution of 1917. In Russ.]. Moscow, 1994.
- RAZUMOV A. B. Podpis' imperatora. Neskol'ko zamechanij po "Otrecheniyu Nikolaya II" [Signature of the Emperor. A few remarks on the "Abdication of Nicholas II". In Russ.]. URL: <http://samoderjavie.ru/node/452> (date of access 10.05.2014).
- Revel'skoe slovo. [The Revel word. In Russ.]. 1917. 3 marta.
- RUDAKOV V., BRUSILOVSKIJ N., VIL'SHANSKAYA E. Akty otrecheniya. [Acts of abdication. In Russ.] // *Istori*. 2017. N 3. S. 18–24.
- RUPASOV A. I., SAFONOV M. M. "Manifest ob otrechenii" Nikolaya II: istoriya dokumenta. ["Manifesto of the abdication" of Nicholas II: the history of the document. In Russ.] // *Nashe nasledie*. 2018. N 125. S. 70–79.
- RUPASOV A. I., SAFONOV M. M. Neizvestnaya publikaciya manifesta ob otrechenii Nikolaya II. [Unknown publication of the Manifesto on the abdication of Nicholas II. In Russ.] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moskva, 12–14 aprelya 2018 g. Moscow, 2018. S. 311–313.
- SAFONOV M. M. General N. V. Ruzskij fal'sificiruet istoriyu [General N. V. Ruzsky falsifies history. In Russ.] // *Revolyciya 1917 goda v Rossii: Sobytiya i koncepcii, posledstviya i pamyat'*. S.-Peterburg, 11–12 maya 2017 goda. St Petersburg, 2017. S. 473–483.
- SAFONOV M. M. Iz istorii otrecheniya Nikolaya II. [From the history of the abdication of Nicholas II. In Russ.] // *Gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' v istorii Rossii (XVIII–XX). Sbornik nauchnyh trudov k 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora Vladlena Semenovicha Izmozika*. St. Petersburg, 2018. S. 88–98.
- SAFONOV M. M. "Manifest podpisan. Predacha zaderzhana snyatiem dublikata". Dokumental'nye svidetel'stva Pervoj mirovoj vojny. ["The Manifesto is signed. The transfer was delayed by removing the duplicate". Documentary evidence of the First World War. In Russ.] // *Vestnik arhivista*. 2015. N 3. S. 8–34.
- SAFONOV M. M. Lozh' i pravda ob otrechenii Nikolaya II [Lie and truth about the abdication of Nicholas II. In Russ.] // *Mezhdru dvuh revolyucij*. Nestor. N 3. St. Petersburg, 2005. S. 215–272.
- SAFONOV M. M. "Stavka. Nachal'niku shtaba". Vokrug otrecheniya Nikolaya II. ["General Headquarters. Chief of staff". Around the abdication of Nicholas II. In Russ.] // *Velikaya vojna. Poslednie gody imiperii*. Sbornik nauchnyh statej XX Carskosel'skoj konferencii. St. Petersburg., 2014. S. 468–484.
- SAFONOV M. M. S. F. Platonov i akt otrecheniya Nikolaya II [Platonov and the act of abdication of Nicholas II. In Russ.] // *Pamyati akademika Sergeya Fedorovicha Platonova: issledovaniya i materialy*. St. Petersburg, 2011. S. 146–164.
- SAFONOV M. M. Speclsluzhby i otrechenie Nikolaya II. [Special Services and the abdication of Nicholas II. In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2017. N 4. S. 58–76.
- Sbornik ukazov i postanovlenij Vremennogo Pravitel'stva. Vyp. 1. 27 fevralya – 5 maya 1017 g. [Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government. Iss. 1. February 27 – May 5, 1017. In Russ.]. Petrograd, 1917.
- Solnce Rossii. [The Sun of Russia. In Russ.]. 1917. 17 aprelya.

Faksimile aktov otrencheniya Nikolaya II i Mihaila Aleksandrovicha. Pechataetsya s razresheniya ministra iustitsii A. F. Kerenskogo. [Facsimile of the acts of abdication of Nicholas II and Mikhail Alexandrovich. Printed with the permission of the Minister of justice A. F. Kerensky. In Russ.]. В/д, В/м.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Сафонов, А. И. Рупасов. Вокруг отречения Николая II // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2 (26). С. 271–284

Аннотация: В статье анализируется феномен появления и одновременной публикации в официальных изданиях двух так называемых актов отречения Николая II с разными датами их подписания: 2 марта 15 часов 1917 г. и 2 марта 15 часов 5 минут 1917 г. Реконструировав, насколько это возможно сегодня, процесс создания этих документов, авторы статьи пришли к заключению о том, что их изготовление требовало времени. Для того чтобы как-то объяснить, почему «акт отречения» не был оглашен немедленно после того, как он был подписан, создатели его А. И. Гучков, В. В. Шульгин, главнокомандующий Северным фронтом Н. В. Рузский и его штабные подчиненные, фабриковавшие документ, воспользовались идеей изготовления дубликата акта, создание которого позволяло правдоподобно объяснить такую задержку. Вместе с тем существование двух актов отречения с разными датами давало возможность впоследствии объявить их недействительными и оспорить переход власти к великому князю Михаилу.

Ключевые слова: Акт отречения, манифест, подлинник, дубликат, Николай II, А. Ф. Керенский, Н. В. Рузский, революция, Ставка.

FOR CITATION

M. M. Safonov, A. I. Rupasov. On the question of the abdication of Nicholas II // Petersburg historical journal, no. 2, 2020, pp. 271–284

Abstract: The authors of the article analyze the phenomenon of the appearance and simultaneous publication in official publications of two so-called acts of abdication of Nicholas II with different dates of their signing: March 2, 15 hours 1917 and March 2, 15 hours 5 minutes 1917. Having reconstructed, as far as possible today, the process of creating these documents, the authors of the article came to the conclusion that the fabrication of these acts required time. In order to somehow explain why the “act of abdication” was not announced immediately after it was signed, its creators A. I. Guchkov, V. V. Shulgin, commander-in-chief of the Northern front N. V. Ruzsky and his staff subordinates, who were fabricating the document, took advantage of the idea of making a duplicate of the act, the creation of which allowed a plausible explanation for such a delay. However, the existence of two acts of abdication with different dates made it possible to later declare them invalid and challenge the transfer of power to Grand Duke Michael.

Key word: Act of renunciation, Manifesto, original, duplicate, Nicholas II, A. F. Kerensky, N. V. Ruzsky, revolution, General Headquarters.

Автор: **Сафонов, Михаил Михайлович** — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: **Safonov, Mikhail Mikhailovich** — Ph. D., senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/9532-2246>

Автор: **Рупасов, Александр Иванович** — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, член-корреспондент Финляндского исторического общества (Suomen Historiallinen Seura).

Author: **Rupasov, Alexander Ivanovich** — Doctor of Sciences (History), leading researcher at the Saint Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Finnish historical society (Suomen Historiallinen Seura).

E-mail: rupasov_ai@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3172-6205>